

н посмотрел на часы — еще рано. К зданию федеральной службы Оклахомы нужно подъехать в девять ноль-ноль: тогда можно быть уверенным, что большинство этих дисциплинированных идиотов-чиновников уже займут свои рабочие места. Жертв должно быть как можно больше — чтобы привлечь внимание президента Клинтона, генерального прокурора Джанета Рено и прочих высокопоставленных ослов из правительства. «Много крови прольется сегодня,

— думал он. — Очень много. Но так надо, и тут уж ничего не поделаешь. Око за око». Тимоти посмотрел на себя в боковое зеркало, надвинул на глаза кепку и включил зажигание.

Ровно без десяти девять Маквей поставил свой грузовик у здания федеральной службы и внимательно огляделся вокруг. На небе не было ни единого облачка. «Да, жаркий предостит денек», — подумал Тимоти и улыбнулся. Вдруг он заметил, что к главному подъезду идут несколько женщин с маленькими детьми. Подчинившись непонятному импульсу, Тимоти вылез из грузовика и, подойдя к одной из них, спросил:

Офицер попросил его предъявить права. «Жаль, что тебя не было т а м!» — с ненавистью подумал Тимоти, протягивая удостоверение

— А что, разве в здании есть детский сад?

— Конечно, для служащих, на первом этаже, — ответила молодая симпатичная блондинка, с недоумением оглядывая странного мрачного типа в кепке.

«Ну и ладно, — сказал про себя Тимоти, провояжая взглядом мать с ребенком. — В конце концов это абсолютно ничего не меняет». И он быстро зашагал прочь.

Через минуту за его спиной раздался колоссальной силы взрыв, сопровождаемый грохотом, скрежетом, звоном бьющегося и осыпающегося стекла. Машинально пригнувшись, словно опасаясь, что его накроет взрывной волной, Тимоти на мгновение замер, а затем припустился бегом. Через несколько кварталов отсюда его ждал припаркованный старенький «Меркури». Он прыгнул в машину и повернул ключ зажигания. Мотор молчал. Еще раз — машина завелась. Тимоти резко нажал на газ и помчался вон из города. Навстречу ему спешили полицейские и пожарные машины, гудели сирены, бесчисленные кареты «скорой помощи» торопились к месту трагедии. Но человек за рулем «Меркури» смотрел прямо перед собой: казалось, царящая вокруг паника его нисколько не занимает.

Примерно через полтора часа Тимоти остановил полицейский патруль. Жирный как свинья, с тремя колышущимися подбородками черный офицер попросил его предъявить права и документы на машину. «Жаль, что тебя не оказалось т а м» — с ненавистью подумал Тимоти и протянул водительское удостоверение. Офицер взглянул на права — и Тимоти увидел, что у полицейского задрожали руки.

— Быстро из машины! Руки на капот! — каким-то тонким пронзительным голосом выкрикнул офицер, судорожно пытаясь вытащить из кобуры револьвер.

— А в чем, собственно, дело? — вылезая из автомобиля, устало спросил Тимоти.

— Тимоти Маквей! — продолжал визжать патрульный. — Вы подозреваетесь в совершении теракта в центре Оклахомы. Вы можете хранить молчание, все, что вы скажете...

Тим был прилежным, усидчивым ребенком и даже закончил школу первым учеником

Позже Тимоти узнал, что хозяин сервиса, где вчера вечером он арендовал грузовик, сразу же после взрыва позвонил в полицию и дал его описание, так что власти уже сбились с ног, прочесывая окрестности в поисках Маквея.

Взрыв в Оклахома-сити стал самым крупным терактом за всю историю Америки. Погибли 167 человек, в том числе 19 детей, более 500 человек получили тяжелые ранения. Страна была потрясена этой невиданной, бессмысленной и необъяснимой жестокостью.

...Репортер одной из ведущих оклахомских газет Лу Мичел задумчиво тер переносицу: поначалу предложение босса заняться делом Тимоти Маквея показалось ему просто издевательским: под обломками взорванного здания погибла сестра Мичела. Его до сих трясло, когда он вспоминал, как по звонку шурина примчался на место взрыва. До небес вздымающееся пламя, которое не могли потушить десятки пожарных машин, крики и стоны сотен людей, сбившиеся с ног полицейские и спасатели. Лужи крови, носилки, кареты «скорой помощи»... Трупы тех, кого удалось вытащить из-под обломков, лежали тут же, накрытые черным брезентом. Специальная команда осторожно вытаскивала из развалин тела, собирала их фрагменты и делала отпечатки пальцев погибших, чтобы потом можно было их опознать. Зрелище было настолько страшным, что вряд ли кому-то из очевидцев удастся когда-нибудь его забыть: на площади среди обломков рухнувших зданий валялись чьи-то оторванные руки, ноги и головы, в клубах пыли и едкого дыма барахтались, крича и стона, десятки изуродованных людей, и в их наполненных мукой глазах читался запредельный ужас. Многие врачи и санитары теряли сознание, не выдерживая этого зрелища, и падали прямо на раненых. Тело сестры Мичела найти так и не удалось.

...И все же Лу согласился заняться Маквеем — он, как и читатели его газеты, как все американцы, как весь мир, хотел знать: кто он, Тимоти Маквей, как мог человек решиться на подобное? Пока было известно лишь то, что он сразу признал свою вину и заявил, что не связан ни с какими террористическими группировками: то, что он совершил, есть его личный, индивидуальный протест против действий шайки преступников, именуемой себя правительством.

По случайному совпадению Мичел вырос в том же городе, что и Маквей — в Пендтоне, округ Ниагара. Для

В январе 1991 года в составе действующего дивизиона Маквея перебросили в Саудовскую Аравию. Так, сам того не желая, Тим оказался в аду

начала он решил предпринять попытку встретиться с отцом обвиняемого, Биллом Маквеем: от него он наверняка мог бы получить какую-нибудь информацию о Тимоти.

Чтобы познакомиться с Биллом, Мичелу пришлось импровизировать — его дом усиленно охраняли полицейские, никого из журналистов к нему не пускали. Узнав об увлечении Билла садоводством, Мичел позвонил

шегося от этого приветливого голубоглазого человека отвернулись все друзья и соседи, он находился в полной изоляции и общался только с живущей с ним дочерью Дженнифер, студенткой местного колледжа. Билл заказал ему рассаду, Мичел пообещал привезти ее через день, потом под каким-то пустяковым предлогом зашел еще и как-то постепенно стал почти своим человеком в этом небольшом домике. Мичел уже знал, что

Мичел, как и все американцы, как весь мир, хотел знать: кто он, Тимоти Маквей, как мог человек решиться на подобное?

ему и представился коммивояжером, продающим рассаду элитных сортов роз. Уловка сработала — усталый и немного настороженный мужской голос на том конце провода предложил Лу приехать завтра.

Сад у Билла и в самом деле был роскошным. Хозяин сначала посматривал на «коммивояжера» с некоторой подозрительностью, но тем не менее в его взгляде явно читались благодарность и облегчение. После случив-

отец и сестра обожали своего Тима и не могли поверить, что тот мог совершить такое страшное преступление.

Однажды Билл обратился к Мичелу с довольно неожиданной просьбой: проводить на свидание к Тимоти его мать, Микки Маквей, с которой Билл давным-давно находился в разводе. Одна Микки идти боялась. Мичел согласился и, встретившись с Микки, отправился в ден-

верскую тюрьму, где находился Тимоти. Растерянная, обмирающая от страха женщина, теребя в руках сумочку, робкими шагами приблизилась к решетке, за которой стоял ее сын. Тогда-то Мичел впервые воочию увидел этого «изверга», как называла его пресса: обритого наголо 27-летнего молодого человека с густыми, нависающими над глазами бровями и жестким непроницаемым взглядом. Тимоти держался очень спокойно, с надменностью и достоинством наследного принца. Едва узнав мать, узник подошел вплотную к решетке и тихо, но внятно произнес:

— Ну-ка быстро убирайся отсюда, ты, сучка! — и плюнул ей в лицо.

Несколько секунд Микки ошарашенно смотрела на сына, потом стала медленно оседать на пол. Охрана бросилась ей на помощь. Один из конвоиров, повернувшись к заключенному, яростно прошипел:

— Скорей бы тебя поджарили, гнида!

Мичел уже знал от Дженнифер, что Тим никогда не любил мать и совершенно искренне не понимал, зачем вообще она нужна. Другое дело отец — простой автослесарь, пропахший машинным маслом, вечно усталый, но тем не менее всегда находивший время сделать что-то по дому и уделить внимание детям (у Тима были две младшие сестры). Микки же вечно пропадала где-то «по делам». Тим приходил из школы, доставал из шкафа пачку чипсов, а из холодильника пепси-колу — это был его обед. Вечером приезжала Микки, неизменно задавала ему один и тот же, застрявший в его памяти, как кость в горле, идиотский вопрос: «Ну, что нового у тебя было сегодня в школе?» — и, даже не выслушав ответа, уходила к себе.

А в один прекрасный день мать заявила отцу, что уходит от него. Билл, стоя на коленях на каменном полу их крошечной кухни, плакал и униженно просил Микки не бросать их. У Тима сердце готово было разорваться от жалости к нему. Он бросился к отцу и повис у него на шее: «Папа, не плачь, да пусть она катится ко всем чертям!» Дочерей Микки забрала с собой, а Тим остался с отцом. «Предательства можно ждать от кого угодно, — такое заключение он сделал тогда. — Если даже родная мать...»

Поразительно, но, несмотря на проблемы в семье, Тим рос прилежным и усидчивым, даже закончил школу первым учеником. Ему не составило труда поступить в колледж Бриан Стрэттон на компьютерное отделение: с тестом по математике, рассчитанным на четыре часа, он справился за двадцать минут и презрительно наблюдал, как другие абитуриенты задумчиво грызут ручки, пыхтят, чешут в затылке. И получил 800 баллов из 800 возможных.

Но самоутверждаться в колледже за счет отличной учебы ему было скучно. Поэтому Тим в основном проводил время в компании отпетых лодырей и хулиганов. Решать задачи они не умели, зато обладали стальными мышцами и отменно владели кулаками. Шуплый Тим отчаянно им завидовал и старался всеми правдами и неправдами завоевать уважение этих лоботрясов.

В конце первого курса в колледже проводили студенческий конкурс на лучшую компьютерную программу. Приз был, между прочим, 400 долларов — деньги нема-

ленькие. «Знаете, кому достанутся эти деньги? — вешал Тим своим лохматым дружкам. — Мне, разумеется». Парни недоверчиво хмыкали. «Вот посмотрите, — горячился Тим. — Я получаю приз, и мы покупаем охотничье ружье!»

— Итак, лучшей программой по итогам конкурса объявляется... — председатель комиссии выдержал эффектную паузу.

В аудитории воцарилась мертвая тишина. «...Работа

Тимоти Маквея» — спокойно закончил про себя Тим. Однако ему послышалось, что председатель комиссии как-то странно произнес его фамилию.

— Я — Маквей, сэр! — громко выкрикнул он и услышал, как все вокруг прыснуло со смеху.

— Приз будет вручен Дэвиду Лендслею, — отчетливо повторил председатель. Дэвид Лендслей, худой как жердь самоуверенный негр, по успеваемости был вторым студентом после Тима. Маквей терпеть его не мог.

Дочерей Микки забрала с собой, а Тим остался с отцом. «Предать может кто угодно, даже родная мать», — решил он тогда

Чтобы этот идиот с его куриными мозгами сделал программу лучше него? Тим вскочил со своего места.

— Сейчас же покажите мне работу Лендслея! — не помня себя от ярости, кричал он перепуганным преподавателям. — Его программа не может быть лучше! Это ложь! Вы подтасовали результаты! Я... — Тим чуть не задохнулся, — я напишу на вас жалобу президенту!

«Слушай, парень, да брось ты переживать, — уговаривал его на следующий один из молодых преподавателей. — Все знают, что твоя программа лучше. Тут ведь дело в другом: приз надо было отдать чернокожему. Это обычная политкорректность, президенту колледжа хочется прослыть либералом, а не расистом...»

Тем же вечером Тима безжалостно избили его же дружки — за хвастовство и за то, что надул их с обещанным ружьем. Сидя дома перед зеркалом, Тимоти внимательно рассматривал свое отражение. Глаз чудовищно заплыл, кожа на скуле содрана, во рту на месте передних зубов зияла некрасивая щель. Странно, но он совсем не чувствовал боли. «Ничего, — вертелось у него в голове, — вы меня еще вспомните».

Мичел продолжал навещать семью Тимоти Маквея, но вот с новыми интересными подробностями, касающимися личности и биографии «оклахомского чудовища», дела обстояли неважно. Его родные упорно вспоминали одни и те же истории о детстве и юности Тимоти, их Мичел давно знал наизусть. Тогда журналист решил напрямую обратиться к Маквею с просьбой об интервью. До сих пор Тимоти отказывал всем репортерам, но тут неожиданно согласился. Не без помощи газетного начальства власти дали Мичелу разрешение на двухчасовое интервью.

Глядя сквозь решетку на бесстрастное холодное лицо Маквея, Лу начал разговор:

— Мистер Маквей, не могли бы вы рассказать о самом радостном событии в вашей жизни?

Заклоченный взглянул на него, как на недоумка, потом пожал плечами:

— Что-то я не припомню таких событий. Зато других — сколько угодно. Ну, например...

...После того как Тимоти Маквей бросил колледж, он записался в американские вооруженные силы. Тим ре-

Взрыв в Оклахома-сити стал самым крупным терактом за всю историю Америки. Погибли 167 человек, в том числе 19 детей, более 500 человек получили тяжелые ранения

шил учиться тому, что с некоторых пор считал единственно важным — самообороне, и армия показалась ему самым подходящим для этого местом. Он был зачислен в пехотный полк.

В январе 1991 года в составе действующего дивизиона его перебросили в Саудовскую Аравию. Так, сам того не желая, Тим оказался в аду. Это была самая настоящая война. Нагруженные военной амуницией, смертельно измученные жарой и жаждой, со стертymi в кровь ногами, пехотинцы продвигались вперед и вдыхали об-

на пути своих же пехотинцев! Обезумевший от ужаса Тим увидел, как танковые гусеницы сравняли с землей его товарища Джона Ростерна, оставив лишь впечатанный в землю изуродованный труп. Не зная, где спрятаться, и понимая, что сейчас тоже погибнет, Маквей кинулся на землю и молил только о том, чтобы смерть пришла скорее. Когда наступление закончилось, оказалось, что их пехотный отряд потерял 19 человек из 30, причем все знали, что половина пехотинцев была расстреляна и раздавлена своими же танками.

Не зная, где спрятаться, и понимая, что сейчас тоже погибнет, Маквей кинулся на землю и молил о том, чтобы смерть пришла скорее

жигающий легкие знойный воздух пустыни. Над ними свистели пули, со всех сторон раздавались пулеметные очереди. Они плохо представляли, где находятся сами, а где — противник, и отстреливались в основном вслепую. Пехотный отряд, в котором находился Тим, двигался в авангарде, прокладывая дорогу идущей за ним танковой колонне. Самое страшное в его жизни случилось тогда, когда был отдан приказ о наступлении. Американские танки ринулись в атаку, безжалостно сметая

Тиму казалось, что он сходит с ума. По ночам ему снились мертвые остекленевшие глаза арабских солдат, которых он отправил на тот свет, снова и снова ревели за спиной наступающие его танки, потом мертвецы оживали и все вокруг превращалось в какую-то единую адскую машину — она надвигалась на Тима, ломала ему руки, дробила кости, выдирала волосы... И так каждую ночь — а потом он просыпался и снова шел убивать.

А ведь совсем недавно, всего каких-то пару месяцев назад, наивный рядовой Маквей был свято убежден в гуманности и непогрешимости американской армии и ее командования. Каким же он был дураком...

Изо дня в день он читал и слушал, как убежденные седины генералы, увешанные наградами, словно рождественские елки, бодро врут журналистам, что «сегод-

ней всемогущей дланью всех этих жирных безмозглых идиотов — генералов, правительство, конгрессменов и президента — и швырнул эту ничего не понимающую, визжащую от ужаса компанию прямо на линию огня.

«...Ваше время истекло! — подал голос охранник. — Заключенный, встаньте! В камеру!»

«А вашего сына подвергали психиатрической экспертизе?» — «Да, — вздохнул Билл, — его трижды признали абсолютно вменяемым...»

ня американские войска не производили военных действий на иракских территориях и не понесли никаких потерь», — в то время как сам Тимоти три часа назад, захлебываясь собственным потом, поливал свинцом вражеские укрепления. Больше всего в эти минуты ему хотелось, чтобы случилось чудо и Господь наконец очнулся и сделал то, что давно должен был сделать — сгреб бы

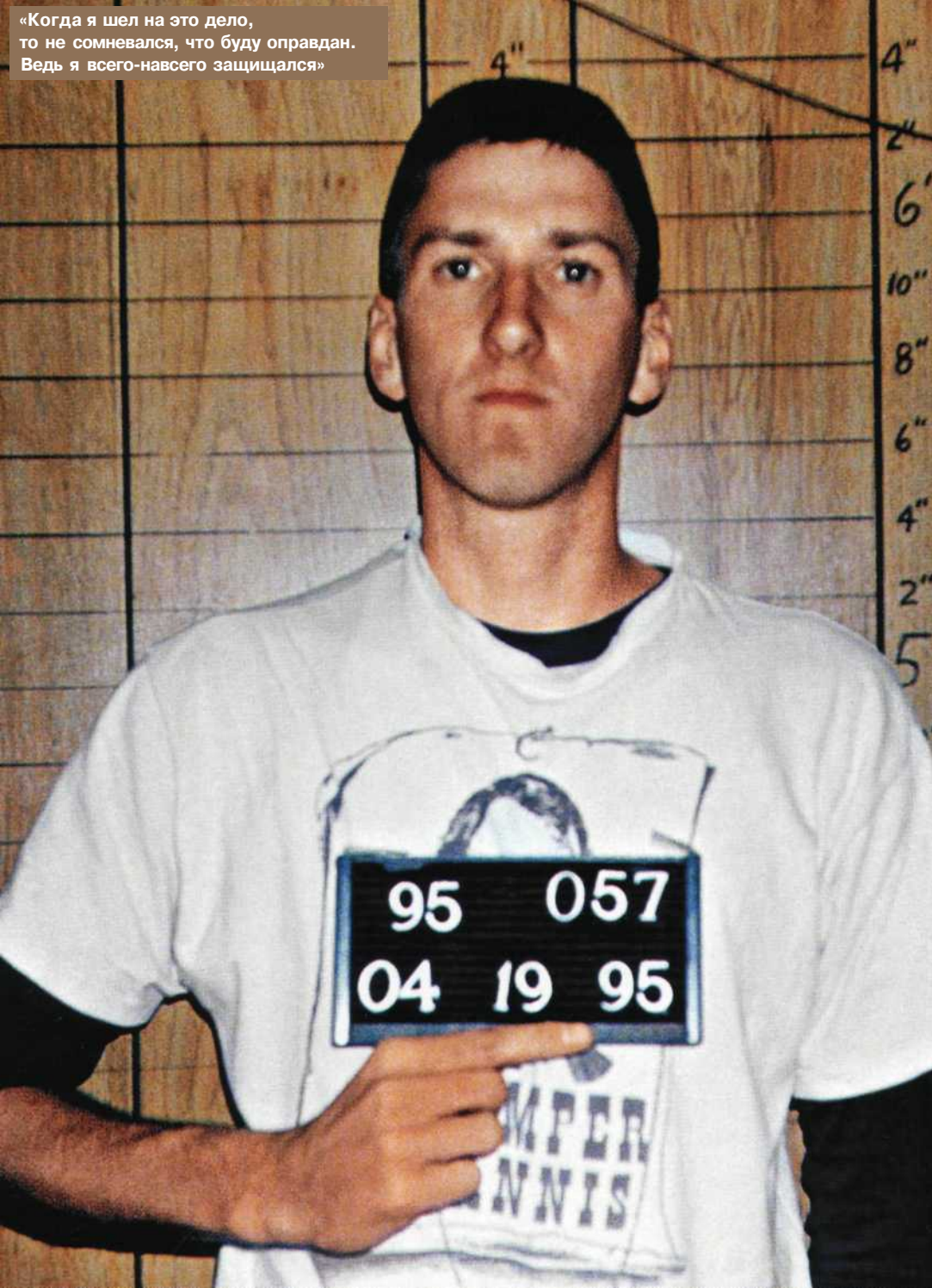
Маквея уже увели, а Мичел все никак не мог заставить себя подняться со стула. Ни Билл Маквей, ни Дженнифер не рассказывали ему о том, каково пришлось Тимоти в армии, — а может, он сам не захотел делиться с ними пережитым? Да уж, после такого легко свихнуться...

Тем же вечером журналист позвонил Биллу и задал

Зрелище взрыва было настолько страшным, что вряд ли кому-то из очевидцев удастся когда-нибудь его забыть (на снимке: родственники пострадавших от взрыва в Оклахома-сити)

«Когда я шел на это дело,
то не сомневался, что буду оправдан.
Ведь я всего-навсего защищался»

ему вопрос: «А вашего сына подвергали психиатрической экспертизе?» «Трижды, — вздохнул в ответ Маквей-старший. — Его признали абсолютно вменяемым...»

...Лу Мичел уже в десятый раз пытался завязать перед зеркалом галстук, но проклятый узел никак не давался. «Черт возьми! — воскликнул он, взглянув на часы, — я же страшно опаздываю!» Затолкав галстук в портфель, он стремглав выбежал на улицу. Сегодня, 13 июля, Тимоти Маквею должны вынести обвинительный приговор. Вокруг здания суда собралась огромная толпа. Мичел ворвался в зал в тот самый момент, когда

... Лу Мичел снова ехал к Тимоти Маквею. После вынесения приговора тот сам обратился к Лу с просьбой взять у него интервью, чтобы «мир узнал о нем настоящую правду, а не ту беспардонную фальсификацию, которая была сфабрикована на этом продажном суде».

Маквей, которому со дня на день предстояло умереть на электрическом стуле, выглядел на удивление бодрым. Они продолжили разговор, прерванный много дней назад.

...Конечно, из армии он вернулся совсем другим человеком. Еще бы! Маквея называли героем, ветераном, а

Микки Маквей упала в обморок, и ее вынесли из зала. Один лишь Билл застыл на своем месте, вцепившись в скамейку побелевшими пальцами

судья ровным будничным голосом зачитывал приговор: Тимоти Маквей признается виновным в совершении взрыва в центре Оклахомы и приговаривается к смертной казни.

Гробовую тишину, царившую до этого в зале суда, разорвали ликующие крики присутствующих. Дженнифер беззвучно рыдала, закрыв лицо руками. Микки Маквей упала в обморок, и ее вынесли из зала. Один лишь Билл застыл на своем месте, вцепившись в скамейку побелевшими пальцами.

он чувствовал, что его переполняют ненависть и возмущение. Геройское прошлое не помогло ему устроиться на хорошую работу, наоборот, работодатели шарахались от ветеранов, как от прокаженных.

А однажды, когда поздно вечером Тим возвращался домой, на окраине Пендлтона на него напал пьяный негр. Маквей и раньше встречал этого выродка — тот жил неподалеку, был огромного роста и сильный, как волкодав. Он ловко выбил из рук Маквея револьвер, и они покатались по склону оврага, как два сцепившихся

Микки, Билл и Дженнифер Маквей после очередного слушания по делу Тима

зверя. Маквей так и не смог никогда забыть исходивший от негра тошнотворный запах, его преследовал омерзительный вид его черной плоти.

На следующий день Тимоти написал заявление в полицию, дело дошло до суда, и что? Он проиграл! Судья повернул все так, что это он, Маквей, угрожал несчастному законопослушному афроамериканцу револьвером! Тимоти даже хотели лишить права носить оружие! Конечно, он не удержался и сказал судье пару ласковых: «Если вы не перестанете нянчиться с этими черномазыми обезьянами, они скоро всех вас перережут!» В результате ему пришлось заплатить кругленькую сумму моральной компенсации этому уроду, да еще провести три дня в тюрьме за «неуважение к суду»!

...Лицо Маквея побагровело от гнева, а пальцы инстинктивно сжались в кулаки. Чтобы дать ему время немного успокоиться, Мичел решил перевести разговор на другую тему:

— Скажите, Тим, а девушки у вас когда-нибудь были? Вы ведь любили кого-нибудь?

— Девушки... — повторил Маквей. Он опять, как и в прошлый раз, взглянул на Лу, словно на дебила. — Нет,

мистер Мичел, девушки у меня не было. Да и зачем девушкам меня любить? Городок у нас маленький, все про всех знают... Как вам кажется, будь вы девушкой, вы бы стали крутить роман с парнем, которого изнасиловал негр?..

Мичел снова попытался разрядить обстановку:

— Вы так и продолжали жить в доме вашего отца?

— О нет, — усмехнулся Тимоти. — Старик уряд ли понравились бы мои игрушки...

С некоторых пор скромный охранник частного банка Тимоти Маквей стал вкладывать все свои деньги в оружие. Все началось после знаменитой кровавой драмы секты Дэвида Кореша, разыгравшейся в феврале 1993 года, когда правительственный спецотряд обстрелял отказавшихся сдаваться членов религиозной группировки. Тимоти тогда окончательно понял, что стоящие у власти — враги собственного народа, что в этой стране человек абсолютно беззащитен и в любой момент его могут обвинить в чем угодно. Ворвутся в дом, расстреляют, потом наврут что-нибудь газетчикам — в первый раз им, что ли?!

Его опять, как в армии, начали мучить кошмары: сно-

за прохотали танки за спиной, а мертвые арабы таращили свои пустые глазницы. С тех пор самооборона стала его манией, навязчивой идеей.

Однажды Билл зашел навестить сына в дом, который тот снял неподалеку, и в ужасе застыл на пороге. Жилище Тима напоминало самый настоящий армейский арсенал. В каждой комнате лежали заряженные карабины, в углу внутреннего двора стоял противотанковый пулемет, заправленный лентой с боевыми патронами, а в гараже хранились маленькие бомбы собственного изготовления. В комнатах повсюду лежали книги об истории оружия, разнообразные технические каталоги со сведениями о калибрах, стволах, особенностях прицелов...

— Зачем вам столько всего понадобилось? — изумленно спросил Мичел.

Приятель сообщил, что правительство готовит санкции против владельцев оружия. «Началось! — подумал Тим. — Теперь они нас уничтожат, как собак»

— Вот и отец поинтересовался тем же, — вздохнул Маквей. — Я попытался было объяснить, да только ни черта он не понял.

...Как-то раз к Тиму зашел армейский приятель Фортъе и рассказал, что правительство якобы готовит санкции против владельцев оружия. «Вот оно! Началось! — мрачно подумал Маквей. — Теперь они нас уничтожат, как собак». Фортъе давно ушел, было далеко за полночь, а Тимоти никак не мог уснуть. Он представлял, как спецназ в бронезилетах окружает его дом. Как начинается стрельба и пули одна за другой пронзают его, а он корчится в судорогах и все никак не может умереть. А вдруг это произойдет уже сегодня? От этой шайки всего можно ожидать! Тим вскочил, проверил боеготовность всех своих револьверов и винтовок, потом сбегал в гараж, принес в комнату пластид, взрыватели

и положил все это рядом со своей постелью. «Ну, давай-те, — лихорадочно думал он. — Мы еще поглядим, кто кого!»

С этой ночи его неотступно преследовала мысль о том, что федеральные войска готовят тайное нападение лично на него, Тимоти Маквея. На работе ему случайно попала в глаза книга «История терроризма в Израиле». Да как же он раньше не догадался? Это именно то, что он давно должен был сделать! Надо опередить правительство и напасть самому, пока его не убили.

Вернувшись домой, Маквей поспешно переоделся, по обыкновению плеснул себе в стакан виски и, взяв листок бумаги, с головой погрузился в расчеты. Федеральные войска за последние годы убили тысячи человек. Ладно, на столько он не претендует, хватит и несколь-

ких сотен. Подложить бомбу под Белый дом? Взорвать президента? Ну уж нет! Он не так глуп, этот Клинтон, хоть все время и улыбается, как дебил, — так легко от него не отделаться! А вот если, например, взорвать здание, какой-нибудь гадюшник побольше со всеми этими сраными государственными чиновниками-марионетками, вот тогда в Белом доме забегают!

...Маквей с дьявольской изощренностью разработал идею своей смертоносной бомбы-грузовика. Несколько месяцев ушло на добычу необходимого количества пластиковой взрывчатки. Тимоти работал без устали. Весной 1994 года он колесил по городам Америки, выбирая здание-жертву. По разным причинам Маквей отверг Арканзас, Миссури, Аризону и Техас. Зато девятиэтажное здание в Оклахоме приглянулось ему сразу. Маквей долго бродил вокруг, рассчитывая и соображая.

Во-первых, много стекла — при взрыве его осколки значительно увеличат радиус поражения. Во-вторых, большое открытое пространство и есть стоянка для машин, так что будет легко подобраться. В третьих, в непосредственной близости находилось множество других учреждений, которые, несомненно, тоже пострадают, так что картина взрыва станет еще внушительнее и масштабнее. Все вокруг превратится в пепел и прах...

людей в сотни раз больше! Я все посчитал. Это же чистая математика, понимаете?..

...Казнь Тимоти Маквея была назначена на 11 июня 2001 года. Его семья приехала с ним проститься, но он едва кивнул им головой. Человеку, которому завтра предстояло умереть на электрическом стуле, задали вопрос о его последней просьбе. <Я бы хотел пострелять в тире, — заявил Тимоти. — Поставьте мне мишени Клинт-

Федеральное здание в Оклахоме Тимоти приглянулось сразу — от его взрыва все вокруг превратится в пепел и прах

— Ну хорошо, — не выдержал Мичел. — Не будем говорить о таких глупостях, как сострадание и человеколюбие. Но неужели вы не боялись, что за это преступление вас могут приговорить к смерти?

Он услышал тяжкий вздох — первый за все время их разговора.

— Сказать вам честно, когда я шел на это дело, то не сомневался, что буду оправдан. Ведь я всего-навсего защищался. И потом, где справедливость? Ведь они, — Маквей ткнул вверх указательным пальцем, — уничтожили

тона, Буша и еще кого-нибудь из этой братии. Тогда мы будем окончательно в расчете».

P.S. После исполнения приговора Дженнифер Маквей, сестру Тимоти, трижды вытаскивали из петли — она пыталась повеситься. Микки Маквей проходит курс лечения в одной из психиатрических клиник Флориды. Билл Маквей работает волонтером в доме инвалидов. Его мечта — хоть как-то искупить то, что натворил его сын.

Елена Головина

Казнь Тимоти Маквея состоялась 11 июня 2001 г.

